

УДК 327.8 (100)

А.М. Бобыло

Школы региональных и международных исследований,
 Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток
 E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Национальные стратегии «мягкой силы» США, КНР и РФ: Сравнительный международный анализ

Рассматриваются национальные стратегии «мягкой силы» во внешней политике США, КНР и РФ. Анализируются основные подходы, ресурсы, инструменты, цели и результаты применения «мягкой силы» государствами на современном этапе. Национальные стратегии «мягкой силы» основаны на использовании во внешней политике невоенных инструментов влияния, отражают концептуальные взгляды государств на «желаемое устройство мира» и могут быть проанализированы по целому ряду критериев.

Ключевые слова: «мягкая сила», национальные стратегии, баланс сил, внешняя политика, публичная дипломатия, культурная привлекательность.

А.М. Bobylo

National strategies of “soft power” in the foreign policy of the USA, China and Russia: main directions and peculiarities of regional development

Far Eastern Federal University, Vladivostok

In this article “soft power” national strategies in the foreign policy of the USA, China and Russia are considered. The main approaches, resources, instruments, goals and results of using the “soft power” at present time are analyzed. The national “soft power” strategies based on using the foreign policy of non-military instruments of influence, demonstrate the conceptual views of states to the “desired structure of the world” and can be analyzed by a variety of criteria.

Key words: “soft power”, national strategy, balance of power, foreign policy, public diplomacy, cultural attractiveness.

А.М. Бобыло

АҚШ, ҚХР және РФ сыртқы саясатындағы «жеңіл күштердің» ұлттық стратегиясы: салыстырмалы халықаралық талдау

Мақалада АҚШ, ҚХР және РФ сыртқы саясатындағы «жеңіл күштердің» ұлттық стратегиясы қарастырылады. Қазіргі кезеңдегі мемлекеттердің «жеңіл күштерді» қолдануларының негізгі бағыттары, ресурстары, құралдары, мақсаттары және нәтижелері сарапталады. «Жеңіл күштердің» ұлттық стратегиясы сыртқы саясатта әскери емес құралмен әсер етуге негізделеді, мемлекеттің «әлемді қалауынша құруының» концептуалды бағытын көрсетеді және жалпылай біраз ерекшеліктері бойынша сарапталады.

Түйін сөздер: жеңіл күштер, ұлттық стратегия, күштер балансы, сыртқы саясат, жария дипломатия, мәдени тартымдылық.

На протяжении тысячелетий военная сила выступала одним из основных способов обеспечения взаимодействия государств с внешним

миром. Это было связано не только с тем, что она использовалась государствами в качестве наиболее эффективного инструмента достиже-

ния целей во внешней политике, но и с состоянием самого мира, конфликтностью международной среды. Постоянная борьба за ресурсы, власть и прочие конкурентные преимущества, носящая главным образом, насильственный характер, требовала от государств создания все новых и более мощных видов вооружения.

В результате количество накопленного в XX веке оружия массового уничтожения, включая ядерный потенциал, во много раз превысило все допустимые нормы, достигнув своей кульминации во время так называемого Карибского кризиса в 1962 году, когда все человечество было фактически поставлено на грань ядерной катастрофы. С началом международной разрядки в последние десятилетия в мире наблюдается существенная трансформация подходов к пониманию сущности и роли силы в мировой политике. Значительно возрастает роль невоенных компонентов силы, относящихся к сфере экономики, новых технологий и культуры, в связи с чем, стали появляться различные теории и концепции, посвященные данным аспектам.

Одной из таких теорий, снискавших общемировую известность, стала концепция «мягкой силы», предложенная в середине 1980-х годов американским политологом, видным представителем школы неолиберализма – Джозефом Наем, согласно которой сила государств подразделялась на два типа – «мягкую» (soft power) и «жесткую» (hard power) [18]. Хотя автором термина «мягкая сила» считается Дж. Най, сам принцип ее использования во внешней политике, по сути, не является новым. Идея «мягкой силы» восходит к древнекитайским философам Лао-цзы, Сунь Цзы, Конфуцию, разрабатывалась европейскими и американскими исследователями А. Грамши, У. Фулбрайтом и получила свое окончательное концептуальное оформление в трудах Дж. Най и М. Фрейзера.

Теория «мягкой силы» базируется, главным образом, на понимании того, что на современном этапе общественного развития, государства способны добиваться желаемых результатов во внешней политике при помощи таких факторов, как духовная и материальная культура, общественные и политические принципы, качество проводимой внешней и внутренней политики и т. д. [4]. Эти дополнительные факторы, формирующиеся через особую систему ценностей – «матрицу убеждений», в идеальном исполнении

безотказно работают на повышение привлекательности имиджа страны, формируют особый ресурс, определяемый Дж. Наем как «мягкая сила» [18].

«Жесткая сила» (военная и экономическая) зачастую основывается на принуждении или угрозах. В отличие от нее «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого не только на основе убеждения, уговаривания или способности подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов, но в большей степени, на основе собственной привлекательности, которая, согласно Дж. Наю, характеризуется тремя основными компонентами: во-первых, культурой (определяемой как набор значимых для общества ценностей, несводимый к массовой культуре), во-вторых, политической идеологией, в-третьих, внешней политикой (понимаемой как дипломатия в широком смысле слова) [18, р. 38].

В этой связи возникает своего рода коллизия приоритетности соотношения «жесткой» и «мягкой» сил: с одной стороны, «жесткая сила» не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а негосударственные группы, такие как террористические организации, готовы прибегать к насилию, с другой стороны – тенденции мирового развития свидетельствуют о возрастании значения «мягкой силы» в общем властном балансе любого государства. Это обусловлено тем, что даже самые развитые государства сталкиваются с ограничением возможностей решения внутренних и международных проблем исключительно силовыми средствами. Осознавая это противоречие, Дж. Най дополнил свою концепцию идеей «умной силы» (smart power), которая определяется Дж. Наем как способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой» сил [19, р. 112].

Но что же все-таки представляет собой «мягкая сила»? Какие формы она способна принимать в своем «неклассическом» (неамериканском) понимании? За последние десятилетия, различные государства по-разному пытались реализовать потенциал «мягкой силы» во внешней политике, что позволяет нам говорить о существовании нескольких различных стратегий ее использования. Большинство ученых, исследующих феномен «мягкой силы» в международных отношениях, наряду с традиционной (американской) принято выделять европейскую,

советскую, японскую, российскую и китайскую стратегии использования «мягкой силы» [3, с. 9; 6, с. 37; 7; 18, р. 71]. Такое деление обусловлено национально-историческими особенностями внешнеполитических установок государств, различающихся содержанием имеющихся ресурсов и проводимых мероприятий.

Названные стратегии можно условно разделить на «старые» (традиционные) и «новые» (современные). К числу традиционных стратегий «мягкой силы» могут быть отнесены американская, китайская, японская и советская стратегии, поскольку в этих странах раньше чем в других «мягкая сила» стала использоваться в качестве целенаправленного инструмента внешней политики. К современным стратегиям относятся европейская (ЕС), российская и стратегии новых независимых государств (например, стран СНГ) т.е. стратегии вновь образованных государств и интеграционных объединений. Необходимо отметить, что отличительной чертой второй группы стратегий является историческая преемственность, накопленного в прежние времена потенциала «мягкой силы». Каждая из стратегий обладает своей спецификой, однако, по нашему мнению, наибольший интерес сегодня представляют стратегии США, КНР и РФ, поскольку все они наряду с региональными и историческими особенностями своего развития в наиболее полной мере демонстрируют эффективность или неэффективность, применяемых инструментов «мягкой силы».

Сопоставление указанных стратегий, анализ их особенностей, общих и специфических черт может опираться на целый ряд критериев. К числу таких критериев, по нашему мнению, могут быть отнесены: 1) исторические предпосылки и потенциал (ресурсы) «мягкой силы»; 2) инструменты «мягкой силы» и масштабы их использования; 3) политические цели государств и достигнутые результаты. Индикаторами активности государств в этом плане могут выступать объемы финансирования и качество национального законодательства, направленные на усиление потенциала «мягкой силы».

Американская стратегия «мягкой силы» является классическим примером использования государством своей «привлекательности» во внешнем мире. Основоположниками американской стратегии «мягкой силы» являются У. Фулбрайт, М. Фрейзер, Дж. Най, Р. Армитадж,

Э. Гилбоа, Р. Пэллс, Ю. Поигер, С. Анхольт, Н. Хомски и др. Несмотря на существование большого числа различных концепций, объясняющих эффективность применения «мягких» (невоенных) инструментов воздействия во внешней политике США (концепции «внешней культурной политики», «культурной дипломатии», «культурного империализма», американизации, взаимного культурного обмена, национального бренда, конкурентоспособной идентичности, воспроизводства социального капитала и др.), концепция «мягкой силы» Дж. Наю является сегодня самой популярной идеей для понимания роли и места публичной дипломатии в инструментарии внешней политики США. Кроме того, данная концепция положена в основу официального курса Белого дома, о чем в своих выступлениях неоднократно заявляли гос. секретарь США Хиллари Клинтон и сам Президент США Барак Обама.

Согласно Дж. Наю, американская «мягкая сила» основывается на определенной ресурсной базе. Ее первый «столп» – привлекательность американской культуры и образа жизни («американская мечта»). Опросы общественного мнения показывают, что почти 80% респондентов из 43 стран мира восхищаются достижениями США в области науки и технологий (высокая культура), а около 60% – любят американскую музыку и телевидение [18, р.64]. Подтверждается это и первенством США по таким показателям, как численность принимаемых эмигрантов, объем выпускаемой телепродукции, численность иностранных студентов в США и количество американских нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Второй «столп» «мягкой силы» США – политическая идеология: полностью или частично ей симпатизирует половина опрошенных. Также необходимо отметить, что в начале 2000-х годов США вкладывали в развитие публичной дипломатии в 5 раз больше финансовых средств, чем, например, ФРГ и Япония, и в 3 раза больше собственных расходов на оборону, что, в свою очередь, в 10 раз превышало аналогичные расходы названных стран. Только Франция и Великобритания по уровню своих вложений в «мягкую силу» смогли приблизиться к США [18, р.171].

Среди путей наращивания потенциала американской «мягкой силы» наиболее эффективный путь – публичная дипломатия (public

diplomacy). Центральная роль в ее осуществлении принадлежит информационному воздействию и контролю над информационными потоками. Дж. Най выделяет три измерения публичной дипломатии: 1) ежедневное направленное освещение американских внешнеполитических акций; 2) «стратегическое общение», под которым подразумевается фокусированное обсуждение наиболее важных для США политических тем; 3) развитие прямых контактов с иностранной аудиторией посредством системы обменов, программ научных стипендий, что позволяет зарубежным гражданам лично знакомиться с Соединенными Штатами.

По данным, приводимым в разных источниках, из общего числа 600–700 тыс. чел. участвовавших в международных образовательных программах госдепартамента США в период конфронтации, около 200 были или являются главами государств (в том числе ставшие явно «проамериканскими» политики, такие как М. Тэтчер, А. Садат, Г. Шмидт, М. Саакашвили, В. Ющенко [14]), еще 600 – представителями правительств, парламента и различных министерств. Наиболее широко выпускники американских обменных программ представлены в политической элите Республики Корея, Аргентины, Чили, Германии, Великобритании, Израиля и Японии [15, с. 382]. К 50-летию юбилею деятельности Программы им. Д. Эйзенхауэра в 2003 году были опубликованы данные, согласно которым среди ее выпускников были 4 главы правительств иностранных государств, 110 министров, 43 посла, 37 руководителей государственных компаний [13].

Таким образом, говоря о природе «мягкой силы» применительно к Соединенным Штатам, Дж. Най, прежде всего, обращает внимание на роль американских образовательных центров, служащих точками притяжения для студентов из разных государств. Значительное количество выпускников американских университетов, составляющих государственные элиты других стран, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к Америке за ее рубежами. Кроме того, по мнению Дж. Най, не меньший вклад в формирование «мягкой силы» США по-прежнему может внести и американская массовая культура, в лучших образцах которой присутствуют «послания свободы, раскрепощения и демократизма», что, так или иначе, находит от-

клик у жителей разных стран и представителей различных культурных традиций.

При этом американцы не настолько наивны, чтобы полагаться исключительно на «мягкую силу», чего Дж. Най, собственно, и не скрывает: «Конечно, мягкая сила не может решить всех проблем. Даже если северокорейский диктатор Ким Чен Ир любит смотреть голливудские фильмы, это вряд ли скажется на его программе по созданию ядерного оружия. Точно так же с помощью «мягкой силы» не удалось добиться отказа правительства Талибан от поддержки «Аль-Каиды» в 90-х годах XX в. Чтобы положить конец этому альянсу, пришлось применить грубую военную силу. Но таких наших целей, как содействие развитию демократии и прав человека, легче достичь с помощью «мягкой силы». У принудительной демократизации есть свои пределы» [18, р. 91].

Китайская стратегия. Теория китайской «мягкой силы» («жуань шили») была разработана еще древними китайскими мыслителями Лао-Цзы, Конфуцием, Сунь Цзы и применялась в области военной мысли, управления государством и воздействия на другие народы более двух тысяч лет. Так, в трактате Сунь Цзы «Искусство войны» содержатся следующие ее стратегемы: «используй мягкие средства, чтобы побороть силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости». В Китае разрабатывались и использовались три способа влияния на человека: принуждение – «кнут», вознаграждение – «пряник» и привлекательность – «мягкая сила» [1, с. 10].

В апреле 2005 г. в Джакарте председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул идею «совместного построения гармоничного мира». В числе важнейших внешнеполитических целей КНР называются укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активизация экономической интеграции со странами АТР [12, с. 83]. Современная КНР уже получила известность в качестве «глобальной фабрики», определяющей в значительной мере международную финансово-экономическую ситуацию. Однако в культурно-идеологической привлекательности Китай пока проигрывает многим странам.

Следует отметить, что китайские ученые по-разному трактуют концепцию «мягкой силы».

Например, есть мнение, что она включает в себя следующие компоненты: политическую систему и политическое руководство, национальный дух, международный образ общества, международную стратегию государства, способность определять тип международной системы, уровень развития науки и техники [2]. Основу возрастающего регионального и глобального позиционирования Китая стали составлять не только успехи его экономики как результат специфических рыночных реформ и активной интеграции в мировую экономику. На международной арене Китай добивается своих целей мирным, бесконфликтным путем, активно используя именно ресурс «мягкой силы». Китайский образ мысли, любая практическая деятельность государства и его организаций, партийных функционеров всегда регулируются традиционным набором строго обязывающих ценностных правил [7]. Внутри страны – трансформирующиеся ценностные традиции придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. «Обновленные» социокультурные ценности, пропагандируемые китайскими властями в сложившихся условиях, спланируют ханьцев, проживающих в Китае и за рубежом, в глобальный китайский социум [16, с. 9].

Культура при этом выступает не только основой, но и важным фактором оценки и распространения «мягкой силы». Так, внешние культурные обмены являются обязательной составной частью китайской дипломатии. Роль этого наступательного информационного инструмента продолжает усиливаться в процессе китайской глобальной регионализации. Важная роль отводится образовательным обменам. Самым заметным успехом китайской стратегии «мягкой силы» стало распространение за рубежом институтов Конфуция, задачей которых является преподавание китайского языка и знакомство с культурой. Проект, запущенный Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань), начался в 2004 г., и по состоянию на март 2010 г. создано свыше 850 институтов Конфуция (400 из которых были открыты в США) и 58 классов Конфуция по всему миру [1, с. 12]. На основании данных китайских СМИ эксперты предположили, что Ханьбань ежегодно тратит на содержание одного института Конфуция около 100 тыс. долл. [2].

Вторым важным направлением применения

«мягкой силы» КНР является активное привлечение в китайские вузы студентов со всего мира и, особенно, из стран ЮВА. По данным заместителя начальника Управления международного сотрудничества и обменов министерства образования КНР Лю Баоли, «в 2007 году в Китае обучалось 190 тыс. студентов из 188 стран мира, из них 30 тыс. студентов – из стран АСЕАН» [9]. Не столь значительная с виду цифра не должна вводить нас в заблуждение. Дело в том, что политика «мягкой силы» совсем не рассчитана на то, чтобы охватывать все общество. Она точно работает на наиболее влиятельные его слои. Практически все из этих 30 тыс. – это дети административно - интеллектуальной и бизнес-элит стран АСЕАН [7].

Тем не менее, несмотря на все достигнутые страной результаты, эффективность китайской «мягкой силы» сегодня зачастую подвергается сомнению. Так, по мнению Дж. Ная, каждый успех Пекина обесценивался последующими событиями внутри страны: так, позитивный эффект Олимпиады-2008 ослабили репрессии против китайских правозащитников, за триумфом выставки ЭКСПО-2010 в Шанхае последовал судебный приговор лауреату Нобелевской премии мира Лю Сяобо. Вложение Пекином миллиардов долларов в создание международного новостного телевидения Синьхуа и Центрального телевидения Китая также оказалось пока не слишком эффективным – иностранная аудитория считает их рупорами китайской государственной пропаганды [2].

Таким образом, Китай по многим параметрам разрабатывает собственную «встречную» национальную концепцию «мягкой силы». В материально-инструментальной, экологической сфере государством поощряется прямое взаимодействие любых достижений европейской науки и техники. Но духовная сфера и ее социокультурные ценности остаются сакральной частью национальной культуры. Влияние чужой культуры при этом происходит через механизм отбора и подвергается переосмыслению – «хуаси» – в контексте национальных традиций и приоритетных государственных интересов [1]. Определенные политические ценности традиционной культуры, трансформируясь, становятся частью комплексной национальной мощи КНР, ее «мягкой силой» и эффективным инструментом обеспечения процесса китайской глоба-

лизации и регионализации. Прагматизм современного внешнеполитического курса Пекина выражается в ряде ценностных императив – «не называть себя гегемоном», «не претендовать на статус сверхдержавы», «скрывать таланты», «искать общее, сохраняя различие» и т.д. Все это заставляет аналитиков многих стран, задумываясь о намерениях китайского руководства, представлять эти ценностные элементы «мягкой силы» лишь временной тактикой «замирания империи», обеспечивающей реализацию иной стратегии – «XXI век – век Большого Китая» [1, с. 13].

Российская стратегия. По мнению многих исследователей в России, после распада СССР ее «мягкая» и «жесткая» сила стали быстро убывать. Возросший первоначально интерес мировой общественности к новому российскому государству, вставшему на путь «контролируемой» и «суверенной демократии», соответствующий социокультурной специфике «евразийской» страны, начал заметно угасать уже в первой половине 90-х годов, а к настоящему времени опустился практически до уровня критической отметки, о чем свидетельствуют низкие рейтинги позитивного восприятия России в мире [1, с. 13]. Так, например, по данным компании Pew Research Center, в 2012 году образ России ухудшился практически во всех странах Запада. В США – только 37% американцев позитивно относились к России (на 12% ниже по сравнению с 2011 годом), Испании – 36% (упал на 10%), Великобритании – 38% (на 12%), Германии – 33% (на 14%), Франции – 36% (на 17%). Нынешние показатели самые низкие за четыре последних года [5].

Если в США «мягкая сила» традиционно являлась важным направлением внешней политики, то для российских властей до середины 2000-х годов внутренняя аудитория была куда важнее внешней. «Мягкая сила» воспринималась как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации собственных интересов, а поиски нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро «мягкого» потенциала стали не востребовавшими [1, с. 13]. В своем настойчивом стремлении «возродить империю», вернуть России статус великой державы, Москва последние годы упорно игнорировала «мягкую силу», предпочитая по отношению к своим соседям (и не только) проводить жесткую политику «кнута

и пряника», рискуя растерять при этом последние остатки позитивного восприятия РФ окружающими народами. Так, нередко в последнее десятилетие Россия пыталась самоутвердиться за счет «энергетических войн» с Украиной и Беларусью, дипломатической жесткости в отношениях со странами Балтии. Результат не заставил себя долго ждать – Россия почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал «мягкой силы», который достался ей после распада СССР [3, с.9].

Следует отметить, что потенциал этот был (отчасти еще и остается) довольно существенным, он включает в себя: информационно-культурное влияние России на страны СНГ, возможность беспрепятственного распространения продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальной продукции (пусть и не очень высокого качества), научно-образовательную привлекательность российских вузов, хорошо развитый книжный рынок в РФ, широкое использование русского языка населением стран СНГ, и т.д. К сожалению, число владеющих русским языком в «ближнем зарубежье», включая страны Балтии, сократилось с 90-х годов вдвое. Не владеют русским языком 8 млн. человек на Украине и 1 млн. в Грузии. Вместо 20 тысяч русскоязычных школ на постсоветском пространстве действует около 7 тысяч, число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн. человек – до 3,1 млн [10].

Россия по-прежнему сохраняет довольно мощный ресурс международного сотрудничества по линии высшей школы. Согласно данным ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), по численности иностранных студентов (около 140 тыс. чел.) Россия находится на 7-м месте в мире, уступая США (586 тыс.), Великобритании (233 тыс.), Германии (213 тыс.), Франции (187 тыс.), Австралии (173 тыс.), Испании (156 тыс.) [18, р. 124]. Контрольные цифры приема граждан зарубежных стран в российские вузы устанавливаются в объеме около 7 тыс. чел. в год. Из них около 4 тыс. чел. составляют стипендиаты Рособразования из 154 стран дальнего зарубежья [8].

Самый живой, яркий и в своем роде уникальный пример в истории нашей страны – Российский университет дружбы народов (УДН им. П. Лумумбы). Созданный в 1960 г. как один из приоритетных государственных проектов с це-

лью формирования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил собой первый и, к сожалению, единственный пример широкомасштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны [11]. Положительным результатом этой деятельности служит активизация сообществ выпускников в государствах бывшего «соцлагеря» и развивающихся странах, проведение форумов выпускников советских и российских вузов, состоявшихся в Москве в 2003 и 2007 годах. Вместе с тем трудно судить об эффективности использования иностранных выпускников российских вузов в качестве ресурса «мягкой силы», поскольку она сдерживается кризисными явлениями в самом отечественном высшем образовании, проявлениями расизма и ксенофобии в отношении иностранных студентов.

В настоящее время для России падение ее притягательности в культурном отношении – один из самых животрепещущих политических вопросов. Не случайно, еще в 2007 году по инициативе В. Путина была основана организация «Русский мир», которой выделяются значительные гранты на «формирование пророссийского электората в постсоветских обществах», пропаганду русского языка в странах СНГ [8]. В Концепции внешней политики России 2008 году была поставлена задача «добиваться объективного восприятия России в мире, развивая собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном пространстве.

В последние годы российское руководство предприняло ряд усилий, направленных на работу с международным общественным мнением и представление российского взгляда на мировые события, разъяснение внутренней и внешней политики государства, ознакомление с достижениями его культуры, науки. К таким шагам, в частности, относится: иновещание (создание круглосуточного ТВ - канала RT, вещающего на английском, арабском и испанском языках, а также работа радиостанции Голос России), издание журнала Russia Profile, издание приложений на английском языке в ряде англоязычных изданий, сотрудничество с американским агентством Ketchum для улучшения имиджа России, работа Института демократии и сотрудничества в Париже

и Нью-Йорке и др. Однако даже эти усилия РФ были довольно фрагментарны и бессистемны, а те немногочисленные примеры использования российской стороной своей «мягкой силы» чаще всего осуществлялись слишком прямолинейно и грубо. В целом, до середины 2000-х годов в России отсутствовала какая-либо целостная стратегия по применению «мягкой силы».

С середины 2012 года российское руководство, не желая оставаться в стороне от ключевых международно-политических трендов, декларировало необходимость применения «мягкой силы» во внешней политике России. На Совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 года президент России Владимир Путин, пожалуй, впервые обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере» [4]. Понятие «мягкая сила» фиксируется и в новой Концепции внешней политики РФ, принятой в начале 2013 года.

Улучшением имиджа России за рубежом в настоящее время призвано заниматься Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), имеющее представительства в 76 странах мира и охватывающее территорию от Соединенных Штатов Америки до Японии и от Финляндии до Аргентины [8]. Аналогичную работу проводит и Российский центр науки и культуры (РЦНК). Деятельность центра направлена на поддержку международного сотрудничества в сфере науки, культуры и образования. Главная цель центра — укрепление положения русской культуры, ознакомление иностранных граждан с российским культурным наследием и современным российским искусством. Для этого проводятся различные выставки, концерты, фестивали с участием ведущих деятелей русской культуры. Одним из направлений деятельности центра является поддержка изучения русского языка за рубежом, улучшение сотрудничества между образовательными учреждениями в странах-партнерах, а также работа с выпускниками российских вузов и с соотечественниками, расширение

связей с российской диаспорой за границей. Хочется надеяться, что подобные усилия будут способствовать повышению престижа России на международной арене.

Таким образом, одним из ключевых условий поступательного укрепления авторитета России на постсоветском пространстве является обеспечение и углубление российского культурного присутствия за рубежом. Безусловным приоритетом здесь остается сохранение и укрепление русскоязычного пространства вдоль границ России. Речь идет о планомерной и трудной работе по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов постсоветского пространства и дальнейших шагах по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России.

Таким образом, сравнительный анализ национальных стратегий использования «мягкой силы», позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, национальные стратегии «мягкой силы» различаются в зависимости от целей, применяемых ресурсов и результатов. Концептуальные взгляды государств на «желаемое устройство мира» реализуются, например, в концепции «американской мечты», китайской стратегии «гармоничного мира», российской «контролируемой и суверенной демократии».

Во-вторых, несмотря на наличие общих целей применения государствами своей «мягкой силы», таких как укрепление своего влияния и авторитета в мире, обеспечение благоприятного окружения, реальные (конъюнктурные) цели «мягкой политики» государств различны: для США – это поддержание статуса «мирового гегемона». КНР проводит протекционистскую политику по отношению к своей национальной культуре, получает экономические выгоды от экспорта китайских товаров, развития бизнеса; Россия стремится к восстановлению своего былого величия в региональном и мировом масштабе, статуса «великой державы», возобновления отношений с бывшими союзниками.

В-третьих, среди основных инструментов

«мягкой силы», применяемых практически во всех рассмотренных нами стратегиях, можно назвать: внешние культурные обмены, которые осуществляются путем проведения в других странах фестивалей национальной культуры, выставок, взаимных обменов культурными и художественными делегациями, совместного обучения студентов, создание за рубежом центров культуры и распространения национального языка. Однако объемы финансирования и масштабы подобных мероприятий в разных странах различны.

И, наконец, четвертое. На сегодняшний день наиболее значимых результатов во внешней политике с использованием «мягкой силы» добились США и Китай, сумевшие снискать себе популярность по всему миру, несмотря на то, что добиваются своих целей по-разному. Российская стратегия «мягкой силы», к сожалению, не приносит пока каких-нибудь заметных результатов. Возможно, что на престиж страны во внешнем мире сможет повлиять проведение в России таких крупных международных мероприятий как встречи на высшем уровне АТЭС во Владивостоке в 2012 году, саммиты «двадцатки» и «восьмерки» в 2013 и 2014 годах, Универсиада в Казани в 2013 году, зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году, чемпионаты мира по хоккею и футболу в 2016 и 2018 годах.

Завершая краткий обзор стратегических вариаций «мягкой силы», следует отметить, что для исследователя по-прежнему остается открытым ряд вопросов. Например, смогли бы добиться США и Китай таких впечатляющих успехов во внешней политике только с помощью «мягкой силы», не обладая при этом достаточным военным или экономическим потенциалом? Как представляется, ответы на эти вопросы следует искать в плоскости концепции «умной силы» Дж. Ная, основанной на умелом балансировании «мягких» и «жестких» методов во внешней политике («мускульная дипломатия»). Вопросы измерения баланса «жестких» и «мягких» сил государств во внешней политике, оценка потенциала их «умной силы» – предмет для новых дискуссий.

Литература

1. Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестн. ЧитГУ. 2010. № 3 (60). – С. 8-15.
2. Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». Россия в глобальной политике. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 04.09.2012).
3. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. – С. 3-24.
4. Железная хватка «мягкой силы» - http://www.odnako.org/magazine/material/show_24128/
5. Казаков О. И. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР, № 3 (24), сентябрь 2012. – С. 48-53 (http://www.ifes-ras.ru/attaches/Mass_Media/ratr_24-kazakov.pdf)
6. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств // Современные междунар. отношения. 2009. № 6. – С. 35-42.
7. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Новое вост. обозрение: Интернет-журн. URL: <http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/45> (дата обращения: 25.10.2012).
8. Образование в России для иностранных граждан: справ. информация. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/960> (дата обращения: 16.10.2012).
9. Объятия дракона. «Мягкая сила» Китая угрожает Западу. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1280483760> (дата обращения: 02.12.2012).
10. Официальный сайт РБК-Daily <http://www.apn.ru/news/article/18785.htm>
11. Официальный сайт Российского университета дружбы народов <http://www.rudn.ru/?pagec=13>.
12. Стегареску М.Н., Колпакова Т.В. «Мягкая сила» как механизм реализации интересов КНР на международной арене // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2011. № 9. – С. 79-83.
13. Стипендиальный фонд Эйзенхауэра: официальный сайт URL: <http://eisenhowerfellowships.org/fellows/fellows.html> (дата обращения: 09.11.2012).
14. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения: 15.11.2012).
15. Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сб. ст. / под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – С. 378-393.
16. Цземьянь Ян. [Китай о «мягкой силе: взгляд на международную систему как общее достояние] // Гоцзивэньтилуньтань. 2007. № 48. – С. 9-10. Кит. яз.
17. Global Education Digest 2011: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO-UIS, 2011. 310 p. (in Eng.).
18. Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 193 p. (in Eng.).
19. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. 240 p. (in Eng.).